

РЕЦЕНЗИИ

*Тартаковская И.Н.**

«О МУЖЕ(N)СТВЕННОСТИ».
СБОРНИК СТАТЕЙ ПОД РЕД. С.А.УШАКИНА. БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
«НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС».
М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2002.

Выход в свет сборника статей «О муже(N)ственности» был, несомненно, событием долгожданным: обозначенный в заглавии предмет практически не обсуждался в отечественной научной литературе, да и в ненаучной, можно сказать, особо не просматривался. Потому, видимо, известный беллетрист Виктор Ерофеев так и назвал одну из своих книг (1997 года выпуска) – «Мужчины», и тем самым «поднял проблему». Заметим для сравнения, что книга под названием «Женщины» в конце 1990-х смотрелась бы куда как странно, поскольку выглядела бы претендующей на слишком общее рассмотрение «проблемы», которой к тому моменту было посвящено уже великое множество самых разных текстов. Впрочем, название, выбранное для сборника, подчеркивает присутствие этого самого полускрытого N (не совсем только понятно, почему все же латинского), которое делает мужественность и женственность взаимопротекающими друг в друга понятиями. В отличие от ерофеевского бестселлера, книга под редакцией Сергея Ушакина – не только о мужчинах, да и вообще, не совсем о мужчинах, а о тех свойствах, которые мужчинам предписаны и за ними предполагаются, о социальных ролях, которые им приходится играть, об их образах и репрезентациях, отношениях с женщинами и самими собой. Короче говоря, о мужественности.

Редактор сборника вполне сознательно избегает использовать более привычный концепт «маскулинность», разъясняя свою позицию в весьма яркой и полемичной вводной статье «Человек рода он»: знаки отсутствия». Это по сути дела теоретический манифест, в котором автор, помимо прочего, решительно отказывается от использования калькированных с английского слов «маскулинность», «фемининность» и даже уже вполне прижившегося в российской академической и образовательной системах «гендер», считая их «полезными категориями из чужого анализа». Надо отметить, что эти идеи уже высказывались С.Ушакиным в более ранних публикациях¹ с той же самой аргументацией: введение термина 'gender' вместо привычного 'sex' было сознательной дестабилизацией глубоко укоренившихся смыслов, и смыслы эти находились в семантическом пространстве английского языка. В русском же языке имеются свои возможности «расшатывания» консервативных смысловых контекстов, и следовало бы воспользоваться уже имеющейся полифонией смысла таких понятий, как «пол», «мужественность», «женственность», а не импортировать «гендер», «маскулинность» и «фемининность». Близкие идеи высказывала еще ранее и И.Аристархова, предлагая вместо «гендера» употреблять термин «род» (в грамматическом смысле мужского и женского рода)².

Аргументы обоих авторов, в общем-то, совершенно ясны: заимствованное слово служит атрибутом чужеродного дискурса и как бы обрекает российских исследователей на производство теоретического «сэконд-хенда». Однако мне представляется, что их,

* Тартаковская Ирина Наумовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института сравнительных исследований трудовых отношений.

¹ См, например, Ушакин С.А. "Gender" (напрокат): полезная категория для научной карьеры? // Гендерная история: Pro et Contra. СПб.: Российский госпедуниверситет им.А.И.Герцена. Кафедра всеобщей истории. 2000. С.34-39.

² Aristarkhova I. Trans-lating 'gender' into the Russian context // University of Warwick Working Papers, 1995.

© Тартаковская И.Н., 2002 г.

© Центр Фундаментальной социологии, 2002 г.

несомненно, благие намерения вряд ли найдут поддержку среди исследователей, работающих в области социальной теории пола. И дело тут не только в соображениях следования задаваемой западными фондами научной конъюнктуре и радении «причастных к гендерной кормушке» за академическую карьеру: просто поезд уже ушел. Слово гендер стало частью русского языка, причем уже даже не только академического; и развитие российской гендерной социологии как самостоятельной дисциплины происходит по своим внутренним закономерностям, отражающим, в том числе, и ее коротенькую, но бурную историю, вместе с западными корнями, российскими дискуссиями и пресловутой «дискурсивной всеядностью»³. Таково положение вещей, и, на мой взгляд, спорить с ним бесполезно, потому что язык – живой организм, и придуманное кем-то слово может быть отторгнуто, а может и прижиться и своим странным путем войти в органику русской речи.

Лучше всего это доказывает тот факт, что почти все авторы сборника, за исключением самого С. Ушакина, охотно пользуются и «гендером», и «маскулинностью», отчего их тексты совсем не становятся хуже.

Переходя собственно к книге, приходится констатировать, что, как это обычно и случается со сборниками, статьи в нем неравноценны (хотя явных провалов и того, что просто не стоило бы включать, нет – и в этом смысле коллекция получилась гораздо более удачная, чем это обычно бывает). Наиболее сильной, на мой взгляд, получилась историческая часть, не выделенная как отдельный фрагмент, а более или менее равномерно распределенная по шести его разделам, носящим поэтические названия «Телесность мужественности», «Воинственность мужественности» и т.п., вплоть до «Временности мужественности» и логически вытекающего из него состояния «(После) мужественности». Круглые скобки, видимо, указывают на возможность игры со смыслами: после мужественности (единой, которой уже нет) возникают некие пост-мужественности во множественном числе. Впрочем, мужественности во множественном числе как разные нормативные модели (и отклоняющиеся от них, но также имеющие вполне определенные контуры) существовали всегда, а не только в этом таинственном состоянии «после» (после чего, кстати? Модернизма, коммунизма, кризиса социальной теории? Вопрос, к сожалению, остается непроясненным). Если только, конечно, не понимать под «мужественностью» единую и неделимую биологическую (или спиритуальную) сущность, но такой ее трактовки вроде бы никто из представленных в сборнике авторов не придерживается. Получается не совсем понятно, зато красиво, и надо сказать, вот это желание «сделать (мужественность) красиво» очень сильно тяготеет над самой концепцией рецензируемого сборника – иногда в ущерб логике и ясности.

Возвращаясь к статьям, выполненным на историческом материале, невозможно не отметить блестящую работу С. Жеребкина о гендерных «политиках идентификации» в эпоху казачества (с.224–244). Приведу только две связанные по смыслу цитаты: «Приводить женщин в Сечь запрещалось, а сексуальные отношения с женщинами в период нахождения в Сечи наказывались смертной казнью... Иначе оценивались у казаков гетеросексуальные отношения, завершавшиеся убийством женщины. Такие случаи рассматривались как образцы мужественного поведения и воспевались в казацком фольклоре» (с.229, 230). Такой «штрих» очень много говорит о том, что из себя на самом деле представляла номадическая военная машина запорожских казаков, которая в течение длительного времени была предметом романтизации, а последнее время даже предстает в виде важной национально-образующей политической ценности. Увлекательнейшее развитие темы «украинского секса» и его роли в национальной самоидентификации можно найти в статье О. Забужко «Гендерная структура украинского колониального сознания: к постановке вопроса». Этот великолепно написанный текст также относится к числу несомненных удач сборника. Очень много

³ Здравомыслова Е., Темкина А. Введение. Феминистский перевод: текст, автор, дискурс. // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб. Буланин, 2000. С.18.

интересной информации можно найти в статье И.Савкиной об автобиографических записках Надежды Дуровой, П.Робинсона о становлении российского военного этоса в начале прошлого века, Д.Хили об истории советской гомофобии, Ж.Черновой о гендерной идеологии бардовского движения и др. Особенно важной для исторической рефлексии нашего совсем недавнего прошлого является статья Е.Здравомысловой и А.Темкиной «Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе» (с.432–451). Впрочем, эта работа, не столько даже историческая, сколько теоретическая, вообще может быть названа этапной для современных российских исследований маскулинности (позволю себе все же, вслед за ее авторами, воспользоваться «импортированным термином» – «социология мужественности», как тематическая отрасль гендерной (или половой?) социологии, все-таки пока еще не состоялась). Очень экономно, выбрав для подтверждения своей концепции буквально несколько убедительных аргументов, авторы разворачивают перед читателями картину позднесоветской гендерной системы с поневоле ущемленным положением мужчины, сохраняющим свою властную позицию и одновременно чувствующим ее «подвешенность», отсутствие социальных оснований для самоутверждения. Именно из этого времени доносится к нам отчаянный призыв: «Берегите мужчин!», ведь их так мало, они такие хрупкие и уязвимые...

Из остальных тематических «пластов» сборника, проходящих сквозь все разделы рубрики, я бы выделила «исследования» и «репрезентации». Под исследованиями я в данном случае просто понимаю статьи, написанные на полевых данных (а не архивных или вторичных источниках). Таких текстов в рецензируемой книге, к сожалению, оказалось довольно мало: то ли действительно почти нет соответствующих исследовательских проектов, то ли они «не преодолели планку» (что тоже совсем неудивительно). Из тех же, что «преодолели», иные представляют собой особый, все более распространяющийся жанр социологического «камерного балета», где все необходимые «па» вроде бы присутствуют, но не выходят за пределы виртуозно исполненного концертного номера. Задача автора, работающего в этом жанре, состоит, по всей видимости, в том, чтобы проиллюстрировать исследовательским материалом определенные теоретические положения, например, что мужественность (она же маскулинность) является социальным конструктом, что «конструкцию» этот конструкт имеет сложную, противоречивую, ресурсы для его создания могут использоваться разные и т.д., и т.п. Используются нужные слова, спорить, в общем-то, не с чем, конечная идея понятна с первых строчек. Прироста знания этот жанр не подразумевает никакого, но демонстрирует теоретическую изощренность автора, владеющего всем арсеналом средств, необходимых для «плетения дискурса». Особенно много эмпирического материала здесь не нужно, он все равно заведомо вторичен и призван лишь изящно оформить основную канву. Довольно часто это какое-нибудь единственное удачное интервью с ярким, выразительным респондентом, которое потом кочует из публикации в публикацию, так что его герой становится хорошо узнаваемым социологическим персонажем. Наверное, такие тексты тоже нужны для мировой гармонии, но их особенность в том, что сразу по прочтении они вылетают из головы и смешиваются с кучей им подобных, поскольку никакого открытия в себе не содержат.

Есть работы, содержащие откровенные натяжки. Так, например, в статье О.Шевченко на материале некоторого (никак не обозначенного в тексте) количества интервью (цитируются, собственно, три респондента) делается весьма неожиданный вывод, что предпринимательская деятельность среди не занимающихся ею мужчин (в частности, технической интеллигенции) позиционируется как не-мужественность (т.е., другими словами, женственность). Почему? А потому, что «мир бизнеса позиционируется в этих повествованиях как сфера деятельности, требующая женской сноровки и угодливости, приспособляемости и гибкости – качеств, отсутствия которых не надо стыдиться настоящему мужчине» (с.300). Трактовка любопытная, но, к сожалению, никак не вытекающая даже из специально подобранных для ее подкрепления фрагментов интервью, в которых

респонденты просто приписывают воображаемым «новым русским» разные гадкие качества, которые автор статьи затем почему-то маркирует как женские.

Однако в сборнике представлены и по настоящему интересные, инновационные исследования. Хочется отметить статью Е.Омельченко о провинциальной гомофобии: эмоциональную, богатую материалом и посвященную малоизученной проблеме. Много ли мы знаем о современных российских сексуальных меньшинствах, если отвлечься от желтой прессы? Пожалуй, почти единственным источником информации служит книга И.Кона «Лунный свет на заре»⁴ да несколько иностранных работ (обзор которых можно найти в той же монографии), а о том, как складывается жизнь обладателей «другой» сексуальности в российской провинции – и вовсе ничего. В этом смысле работа Омельченко является пионерной.

Интересна также, хотя и с несколько другой точки зрения, статья Е.Мещеркиной, написанная на материалах нескольких фокус-групп с мужчинами рабочего и среднего класса. Это достаточно редкий почему-то в отечественных гендерных исследованиях пример непосредственного применения методологии и концептуального аппарата П.Бурдье для анализа полевых материалов.

Если же говорить о репрезентациях мужественности, то их анализ представлен в сборнике более чем богато, я бы даже сказала, что непропорционально густо. Мужчины в кино, литературе, рекламе пива, на страницах «Учительской газеты» и, конечно, мужских журналов количественно явно перевешивают своих современников из «плоти и крови». Впрочем, для настоящей стадии исследований маскулинности это, наверное, естественно: об отображениях писать значительно быстрее и проще, в этом русле часто происходит апробация новой темы. Но социологический анализ репрезентаций, на самом деле, довольно коварная вещь – очень легко «пойти за материалом» и создавать разнообразные эссе, парящие где-то на стыке гендерного анализа и околоискусствоведческой публицистики. Что местами и происходит: в статье Греты Слобин старательно пересказывается фабула аксеновского романа, статья Н.Ажгихиной и Е.Гошило об имиджах «новых русских» сбивается на почти рекламный рассказ о возрождении в Москве Английского клуба и замечательных благотворительных начинаниях его членов, а О.Шабурова, покоренная убедительным образом «настоящего мужика», созданным творческими усилиями группы «Любэ», восклицает: «Как зрелая мужественность обретает социальные и гражданские краски, так и «Любэ» двигались чуть ли не от задорной анархии к высокой гражданственности, которую сегодня никто, кроме них, не осмеливается достойно представлять» (с.548.) Так и хочется немедленно бежать за билетами!

Особенно характерный пример такой «занимательной культурологии» представляет собой статья Б.Д.Бэра «Возвращение денди: гомосексуализм и борьба культур в постсоветской России». В ее переводе на русский, кстати, достигает особенных высот борьба за чистоту русской терминологии против иностранных заимствований: «перформативность», в том смысле, в каком это понятие употребляет Дж.Батлер⁵, переводится как «исполнительность», в результате чего рождаются такие загадочные выражения, как «исполнительская сущность различия полов» (с.576) и им подобные. Но дело даже не в «исполнении пола»: весьма сомнительной представляется исходная посылка статьи. По мнению Бэра, распад единого советского канона героической мужественности привел к возвращению в актуальное культурное пространство образа альтернативной маскулинности денди, который почему-то прочитывается им как носитель сильнейших гомосексуальных коннотаций. В российской культурной традиции, однако, это не совсем так, и даже совсем не так: эталонный отечественный денди отнюдь не Оскар Уайльд, а, скорее, Евгений Онегин, «как денди лондонский одет...» Но несмотря на «тлетворное влияние Лондона», отношения

⁴ Кон И.С. Лунный свет на заре: Лики и маски однополый любви. М.: Олимп; СТ, 1998.

⁵ Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York: Routledge, 1999.

нашего национального героя с Ленским как-то не рассматривались обычно с точки зрения гомосексуализма. Может, конечно, и зря...

Итак, легко поставив знак равенства между денди и гомосексуалистом, в крайнем случае, бисексуалом, автор затем также лихо ставит знак равенства между Пушкиным и денди, называя его даже «нераскаившимся денди» (с.559). И здесь, на мой взгляд, совершенно выпадает из контекста. Позднесоветский и даже «перестроечный» Пушкин уже так давно растерял все черты светского франта и щеголя (с которыми и связывается, вообще-то, в русской традиции понятие «денди»), что его маскулинность вполне «забронзовела» и обрела черты «отца нации» и «патриарха». Именно поэтому образ Пушкина породил целую серию культурных текстов, призванных деконструировать этого «Пушкина – члена политбюро», достаточно вспомнить «Прогулки с Пушкиным» А.Терца и блестящую пушкиниану Д.А.Пригова. Собственно говоря, фильм Ю.Мамина «Бакенбарды», который подвергается в статье столь подробному разбору, лежит в этой же культурной традиции – не случайно пушкинская атрибутика превращается в нем в карательную, и поэтому представленные здесь «мужественные денди» (выражение Бэра) совершенно не разрушают никакую «классическую бинарную оппозицию мужского и женского» (с.559), а вполне вписываются в свойственные позднесоветскому культурному контексту представления о гегемонной маскулинности. Точно так же и появление в 1999 г. журнала «Дантес» связано было, по всей видимости, не столько с «пересмотром и возвращением к дореволюционной культуре», сколько с эпатажным пародированием известного журнала «Пушкин», вышедшего в конце 1990-х и редактировавшего Г.Павловским. Так не-распознавание (или игнорирование) важных культурных кодов приводит к построению сомнительных объяснительных конструкций.

Впрочем, далеко не всем статьях о репрезентации, представленным в сборнике, присущи эти недостатки. Очень увлекательна и, как всегда, прекрасно написана открывающая книгу статья И.Кона «Мужское тело как эротический объект», сочетающая в себе преимущества результативного исследования и практически готового лекционного материала. Серьезный и продуктивный анализ новых паттернов мужественности предлагается в статье самого редактора С.Ушакина «Видимость мужественности».

Короче говоря, «Муже(N)ственность» обильна и многогранна. Объем рецензии не позволяет даже упомянуть многие статьи, вошедшие в сборник, хотя они также имеют свои достоинства и недостатки. Рецензировать его трудно, поскольку это практически антология, объединившая в себе почти всех современных российских (и ряд западных) авторов, работающих в русле «мужских исследований». И как таковая, она является переломной в становлении отечественной социологической традиции социологии маскулинности, обозначая собой важную стадию «мужания» новой дисциплины. Горячо рекомендую прочесть эту книгу и дать ее студентам. Читается она, кстати, как художественное произведение.